

По воле
ЭМИРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юли Белл

18+

Юли Велл

По воле Эмира

«Автор»

2026

Велл Ю.

По воле Эмира / Ю. Велл — «Автор», 2026

Она была восходящей звездой мирового IT-форума — умна, амбициозна, свободна. Он — всемогущий шейх, для которого весь мир был шахматной доской, а люди — фигурами. Один взгляд из VIP-ложи решил её судьбу. Сначала было изысканное приглашение. Потом — шокирующее предложение стать жемчужиной в его гареме. И наконец — ночь, когда роскошный Дубай растворился за тонированными стеклами внедорожника, увозя Алишу в золотую клетку дворца в пустыне. Шейх Халид аль-Рашид привык получать всё, чего желал. Но эта женщина с ледяным взглядом и пламенным духом оказалась не просто трофеем. Она стала войной. Войной, где оружием были не только цепи и приказы, но и яростный интеллект, гордая ненависть и опасное, зарождающееся понимание друг друга. Это история о плене, где палач и жертва начали меняться ролями. О жестокой страсти, которая рождается на грани ненависти и отчаяния.

© Велл Ю., 2026

© Автор, 2026

Юли Велл

По воле Эмира

Книга: «Пленница эмира»

Глава 1: Алмаз и взгляд из ложи

Зал конференц-центра в Дубае гудел, как перегретый улей. Сотни лиц, десятки языков, вспышки камер. Но для Алиши Соколовой весь этот шум на секунду замер, растворился. Она стояла на подиуме, чувствуя под ладонью прохладную грань пульта, и знала – она их зацепила.

Её презентация подходила к концу. Не слайды с графиками, а живой, дерзкий рассказ о том, как её алгоритм может изменить логику целых стран. Она говорила на английском, но временами вставляла русские термины – для точности, для характера. Зал слушал, затаив дыхание.

– Вопрос не в технологии, – голос её звенел, уверенный и чёткий, как удар хрусталя. – Вопрос в смелости мыслить иначе.

Аплодисменты взорвались, когда она сошла со сцены. Её сразу окружили. Рукопожатия, визитки, восторженные взгляды. «Блестяще, мисс Соколова!», «Где можно проинвестировать?». Она улыбалась, отвечала, ловила знакомых глазами свою подругу Катю, которая ликовала у первого ряда. Это был её момент. Пять лет работы стартапа, бессонные ночи, риск – и вот он, триумф.

Она не знала, что за всем этим наблюдают.

В затемнённой VIP-ложе на втором уровне, за стеклом с односторонней видимостью, сидел человек. Шейх Халид аль-Рашид. Он откинулся в кресле из черного дерева, длинные пальцы сложены шпилем у губ. Его взгляд, тёмный и неотрывный, как прицел, был направлен на одну точку внизу – на фигуру в строгом, но безупречно сидящем костюме-фраке, на пучок русых волос, на энергичные жесты.

– Кто она? – спросил он тихо, не отводя глаз.

Советник, стоявший чуть позади, мгновенно раскрыл планшет.

– Алиша Соколова. Двадцать пять лет. Москва. Основатель и CEO стартапа «Логик-Сфера». Прибыль пока нулевая, но потенциал...

– Не это, – прервал его Халид. Его голос был низким, в нём звучал лёгкий, чуть хриловатый оттенок – следствие английского образования и сигар. – Она не из тех, кого измеряют прибылью. Посмотри на её глаза. В них огонь. И страх. Но не страх сцены. А страх... не успеть. Это редкое топливо.

Он наблюдал, как она парировала каверзный вопрос инвестора из Сингапура, ответив шуткой, от которой зал рассмеялся. Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Скорее, признание.

– Алмаз, – произнёс он задумчиво. – Неограниченный. И брошенный в грязь их суетного мира.

– Ваше Высочество? – осмелился переспросить советник.

Халид медленно поднялся. Его белый кандура, сотканная из тончайшего египетского хлопка, ниспадала безупречными складками.

– Пригласите её. На ужин. Сегодня. Используйте протокол «Альфа». Инвестиции. Она не откажется от шанса.

Он бросил последний взгляд вниз. Алиша смеялась, поднимая лицо к свету софитов. Она сияла. Она была самой свободной, самой успешной версией себя.

Недолго, – пронеслось у него в голове с холодной, неоспоримой уверенностью. Он развернулся и вышел из ложи, не оглядываясь. Его свита беззвучно растворилась за ним.

Час спустя Алиша, всё ещё на взводе, допивала минеральную воду в холле отеля, делясь впечатлениями с Катей.

– Ты была божественна! – щебетала Катя. – Я видела лица! Мы все разбогатеём!

– Рано радоваться, – усмехнулась Алиша, но глаза её горели. – Завтра переговоры с...

К ним подошёл мужчина. Безупречный костюм, короткая стрижка, лицо – маска вежливости. Он поклонился.

– Мисс Соколова. От имени Его Высочества шейха Халида аль-Рашида.

Он протянул конверт. Тяжёлая, кремовая бумага. На нём – оттиск сургучной печати с каким-то сложным гербом.

Алиша взяла его, удивлённо поднимая бровь.

– Шейх... аль-Рашид? Я читала. Его фонд...

– Его Высочество был впечатлён вашим выступлением. Он просит оказать ему честь и разделить с ним ужин сегодня вечером. Для обсуждения возможного сотрудничества. За вами заедет машина в восемь.

Это не звучало как просьба. Это был факт, облачённый в вежливость.

Катя замерла с открытым ртом. Алиша ощутила лёгкий, холодный укол между лопаток. Интуиция? Нелепая вспышка памяти – слова брата Марка, сказанные наспех по телефону накануне отъезда: «Там свои правила, Аль. Если кто-то слишком высоко сидит, он считает, что законы писаны не для него. Бди».

– Я... не одна. Моя ассистентка, – Алиша кивнула на Катю.

Мужчина едва заметно склонил голову.

– Разумеется. Будут ожидать обеих. Приятного вечера.

Он удалился так же бесшумно, как и появился.

– О Боже, Алиш! – выдохнула Катя, когда они поднялись в номер. – Это же он! Тот самый! Ужин с шейхом! Это... это нереально!

– Это странно, – отрезала Алиша, поворачивая конверт в руках. Она не вскрыла его. – Почему так быстро? Почему не через офис? Зачем личная встреча?

– Потому что ты потрясающая! – Катя кружилась по комнате. – Это шанс! Шанс всей жизни!

Алиша подошла к окну. Над ночным Дубаем пылала реклама на небоскрёбах. Город-мечта. Город-ловушка.

Она вспомнила взгляд. Тот самый, который почувствовала на себе во время выступления. Тяжёлый, пристальный. Как будто её уже тогда оценивали, измеряли, прикидывали, куда поставить.

«Не будь параноиком, Соколова. Это бизнес. Самый высокий уровень».

Она приняла решение. Быстрое, как всегда.

– Хорошо. Едем. Но, Кать, правило номер один: не разлучаемся. Ни на минуту. И я пишу Марку, где мы будем. На всякий случай.

Она отправила брату короткое сообщение с названием отеля (он был указан в приглашении) и пометкой «деловой ужин». Ответ пришёл почти мгновенно: «Ок. Звони, если что. Руки прочь, глаза в пол». Она усмехнулась. Типичный Марк.

Выбирая платье, она намеренно отвергла облегающее чёрное, которое предлагала Катя.

– Ты что! Это же шейх! Надо производить впечатление! – взмолилась подруга.

– Именно поэтому, – твёрдо ответила Алиша. – Впечатление должно быть деловым, а не... товарным.

Она выбрала строгое платье-футляр цвета слоновой кости, с высоким воротом и длинным рукавом. Брошь на лацкане – геометрия из серебра и оникса. Броня. Элегантная, неуязвимая. Перед зеркалом она собрала волосы в тугий, низкий пучок, обнажив шею и лишив лицо каких-либо мягких обрамлений. Так оно казалось ещё более отточенным: серые, холодные, как озеро в ноябре, глаза, прямой нос, упрямо поднятый подбородок. Черты, в которых читалась не русская мягкость, а какая-то северная, почти скандинавская четкость. Это была красота не для украшения. Это была красота-аргумент, красота-оружие.

Она знала, откуда в ней эта резкость. Не из дворцовых альбомов, а из бесконечных студенческих ночей в общежитии МФТИ, из борьбы за гранты, где её «сибирскую» пробивную жилу принимали за наглость. Из отца-геолога, пропавшего в экспедиции, и матери-учительницы, вырастившей двоих детей в одиночку на скромную зарплату. Её имя, «Алиша» – причуда матери, влюблённой в французские романы, – всегда казалось ей немного чужим, не соответствующим её сути. Она была «Аль» для брата, «Соколова» для партнёров и «та самая стерва с третьего курса» для завистников.

Ровно в восемь к подъезду отеля, не издав ни звука, подкатил серебристый «Роллс-Ройс». Шофер открыл дверь.

Алиша сделала глубокий вдох, ловя в лифте своё отражение – бледное, решительное. «Игра началась. Посмотрим, кто кого переиграет».

Она не знала, что правила игры уже написаны. И написаны не ею. Её ход был всего лишь жестом в заранее предрешённой партии. А следующий ход противника был прост, как удар кинжала, и неотвратим, как ночь в пустыне.

Машина бесшумно тронулась, увозя её от сияющего отеля в тёмную, бархатную пасть ночи. Алиша поймала своё отражение в тонированном стекле. Бледное лицо-маска, светлые волосы, собранные в тугий шлем. Она увидела в нём не будущую IT-королеву, а девочку из провинции, которая слишком высоко забралась и теперь боялась сорваться вниз. Последнее, что она видела в окне, – это искажённое отражение небоскрёбов, похожее на трещины в зеркале, и свой собственный, чужой взгляд, в котором уже читалась тень от брошенной на неё в ложе тёмной, всевидящей тени.

Глава 2: Ужин. Предложение. Бездна

Машина не поехала к другому отелю. Она скользнула к частной пристани, где их ждал катер, а затем – к вертолётной площадке на одном из искусственных островов. «Роллс-Ройс» сменился бесшумным «Агустой», интерьер которого напоминал салон летающего лимузина.

Катя замерла с открытым ртом. Алиша ощутила лёгкий, холодный укол между лопаток. Интуиция? Нелепая вспышка памяти – слова брата Марка, сказанные наспех по телефону накануне отъезда: «Там свои правила, Аль. Если кто-то слишком высоко сидит, он считает, что законы писаны не для него. Бди».

Она машинально поднесла руку к шее, коснувшись тонкой серебряной цепочки с небольшим, потускневшим от времени православным крестиком. Единственное, что осталось от матери. От той жизни, в сибирском городке, где фамилия «Соколова» звучала обычно, а её славянская, с высокими скулами и светлыми, почти льняными волосами красота, не выделялась из ряда. Здесь, в этом мире стекла и позолоты, она чувствовала себя инородным телом – ярким, замеченным, но чужим.

– Боже, Алиш, – прошептала Катя, вжимаясь в кожаную кресло, – мы в кино попали.

Алиша молчала. Она смотрела в иллюминатор на уплывающие вниз огни Дубая. Эта демонстрация силы, это бесшумное, идеально отлаженное перемещение из одного кокона роскоши в другой – всё это было рассчитано. На что? На восхищение? На запугивание? Она сжала пальцы. Её оружие было не в кошельке, а в голове. И она была готова его применить.

Вертолёт приземлился на плоской крыше дворца, сливавшегося с тёмным силуэтом скалы где-то за пределами города. Воздух пах не бензином и пылью, а ночными цветами и свежесполитым мрамором.

Их проводили внутрь. Интерьеры были такими, какие можно увидеть в журналах, но никогда – в жизни. Высота потолков подавляла, тишина была звенящей, а под ногами мягко пружинил ковёр, в котором, казалось, тонули века. Их встретила пожилая женщина в скромном платье – экономка.

– Его Высочество ожидает вас в зимнем саду. Пожалуйста, пройдите.

Они шли за ней через анфилады залов. Алиша ловила на себе взгляды слуг – быстрые, скользящие, полные немого любопытства. Её светлые волосы и белое платье здесь, среди тёплых тонов дерева и тканей, были как вспышка молнии в сумерках – красиво, но чужеродно.

Зимний сад оказался стеклянным куполом, под которым буйствовала тропическая зелень. В центре, у небольшого водоёма с кувшинками, был накрыт столик на двоих. Третий прибор отсутствовал.

– Госпожа Катя, – экономка повернулась к подруге, – вам будет угодно пройти в гостевую комнату? Для вас накрыли отдельно.

Катя растерянно посмотрела на Алишу.

– Мы...

– Всё в порядке, Кать, – Алиша сказала спокойно, хотя внутри всё сжалось. Разделение. Первый шаг. – Я скоро.

Её оставили одну. Она стояла, ощущая на себе влажный, тёплый воздух, пахнущий орхидеями, и понимала, что игра пошла не по её сценарию.

– Вы пунктуальны. Ценное качество.

Голос прозвучал сзади, тихо, но так чётко, что она вздрогнула. Алиша обернулась.

Шейх Халид аль-Рашид стоял в нескольких шагах. Не в белой кандуре, как она почему-то ожидала, а в тёмно-сером, идеально сидящем костюме. Он был выше, чем казалось с ложи. И моложе. Едва за тридцать. Но во взгляде была не молодость, а власть. Власть, выкованная поколениями и отточенная, как клинок. Он подошёл ближе, и она увидела его лицо: смуглую кожу, тёмные, почти чёрные глаза под чётко очерченными бровями, строгий, но не лишённый привлекательности рот. Он был красив. Красив так, как может быть красив хищник или идеально сделанный механизм – бездушно и безупречно.

– Мисс Соколова, – он слегка склонил голову. – Халид.

– Ваше Высочество, – она кивнула, не опуская глаз. – Алиша.

Он оценивающе посмотрел на неё. Взгляд был откровенным, изучающим, но без намёка на похабность. Как будто он рассматривал редкую архитектурную находку.

– Белое. Серебро. Строгость. Вы выбрали оборону. Интересно.

Он подал знак, и они сели. Ужин начался. Блюда сменяли друг друга – изысканные, лёгкие. Он говорил. О технологии. О её презентации. Задавал точные, пронизательные вопросы, которые показывали, что он не просто кивнул, слушая её, а действительно вник. Он был блестящим собеседником. Остроумным, начитанным, говорил на безупречном английском с лёгким, манящим акцентом.

Алиша ловила себя на мысли, что начинает расслабляться. Опасность отступала, уступая место азарту интеллектуального поединка. Она спорила с ним, отстаивала свою точку зрения, даже позволила себе улыбнуться в ответ на одну из его шуток. Он разоружал. Он был тем самым «идеальным инвестором» – умным, дальновидным, ценящим смелость.

Кофе подали в крошечных фарфоровых чашках. Катя так и не вернулась. В саду остались только они, тихий плеск воды и пение невидимых птиц.

Халид отставил чашку. Его лицо стало серьёзным. Игра кончилась.

– Алиша, – сказал он. Её имя на его языке звучало непривычно, но мягко. – Мы потратили вечер на разговоры о будущем. Давай поговорим о твоём.

– Я думала, мы этим и занимаемся, – настороженно ответила она.

– Нет. Мы говорили о бизнесе. Бизнес – это песок. Его унесёт ветер. Я говорю о наследии. О вещах, которые имеют значение.

Он откинулся на спинку стула, его взгляд стал тяжёлым, тем самым, из ложи.

– Ты исключительна. Твой ум, твоя энергия, твоя... красота, – он произнёс это слово без лести, как констатацию. – Они не должны раствориться в суете твоего мира. В погоне за деньгами, которые обесценятся, за славой, которую забудут.

Алиша замерла. Лёд пробежал по спине.

– Что вы предлагаете? – её голос прозвучал тише, чем она хотела.

– Остаться. Здесь. Со мной. Стать моей женой.

Воздух перестал поступать в лёгкие. Она услышала слова, но их смысл не доходил. Он продолжал, спокойно, как будто обсуждал условия контракта:

– Ты войдёшь в мой дом. У тебя будет всё, что только можно вообразить. Роскошь, безопасность, положение. Твои дети будут принцами. Твой ум найдёт применение здесь, в делах эмирата. Я видел многих женщин. Но такую, как ты – только одну.

Тишина. Затем в груди у Алиши взорвалось пламя. Жгучее, унижительное, яростное.

Она встала. Стул с грохотом упал на каменный пол.

– Ваша... жена? – её голос дрожал от невероятности услышанного. – Войти в ваш гарем? Стать частью вашей... коллекции?!

Он не моргнул.

– Это не коллекция. Это семья. По нашим законам и традициям.

– Ваши традиции – это варварство! – выкрикнула она, и эхо раскатилось под стеклянным куполом. – Я человек! Не вещь! Я построила компанию с нуля! Я не для того пробивалась сюда из своей глухой Сибири, чтобы стать украшением чьего-то будуара!

Она видела, как в его глазах что-то изменилось. Не гнев. Что-то более холодное. Любопытство учёного, наблюдающего за редкой, дикой реакцией.

– Ты отказываешься? – спросил он всего лишь.

– Я не отказываюсь! Я с негодованием отвергаю это чудовищное предложение! Я уезжаю!

Она резко развернулась, чтобы уйти, но её путь преградили двое слуг, возникших словно из воздуха.

– Госпожа Катя уже в машине, – мягко сказал один из них. – Вас отвезут в отель.

Халид не встал. Он смотрел на неё, и в его взгляде теперь читалось нечто окончательное.
– Прощай, Алиша Соколова, – сказал он. И добавил на чистом, безупречном русском, от которого у неё кровь застыла в жилах: – До скорой встречи.

Её почти выпроводили. Тот же катер, тот же вертолёт, та же машина. Катя в ужасе молчала всю дорогу. В номере отеля Алиша трясущимися руками пыталась собрать вещи.

– Мы срочно уезжаем. Сейчас же. Меняем отель, летим в Абу-Даби, что угодно...

– Алиш, он же просто странный богач, он ничего не сделает... – робко начала Катя.

– Ты ничего не поняла! – резко обрезала её Алиша. – Он не просил. Он констатировал. «До скорой встречи». Это не прощание. Это...

В этот момент её телефон завибрировал. СМС с незнакомого номера. Всего одна фраза на русском:

«Ты уже сделала выбор. Жди».

Ледяной ужас обнял её за горло. Она схватила телефон, чтобы позвонить Марку, но связь пропала. На дисплее горел значок «Нет сети».

– Кать, бежим! Сейчас!

Они выскочили из номера с чемоданами. Внизу, в холле, было пустынно. Ночной портье мирно дремал за стойкой. Они выбежали на тёплую, пропитанную запахом моря и асфальта улицу. Такси не было.

Со стоянки напротив медленно, беззвучно, поползли фары большого чёрного внедорожника. Он остановился рядом. Из него вышли двое мужчин в белых кандурах. Их лица были спокойны, движения – экономичны и точны.

Один из них, с печальными карими глазами, обратился к ней на ломаном русском:

– Мисс. Не надо кричать. Бесполезно.

Алиша отшатнулась, но её руки уже были схвачены. Ладонь с пропитанной чем-то сладким и тяжёлым платком накрыла её лицо. Она успела увидеть, как Катю точно так же, но более грубо, затапливают в другую дверь машины. Её последней мыслью, перед тем как сознание поплыло в липкую, чёрную мглу, было не лицо брата, не страх, а ярость. Чистая, белая, ледяная ярость.

Ты пожалеешь. Клянусь всем, что во мне есть. Ты пожалеешь об этом дне.

А потом – тишина.

Глава 3: Пробуждение в позолоченной клетке

Сознание возвращалось обрывками. Сначала запах – сандал, воск, сухой воздух с лёгкой пылью цветов. Незнакомый запах. Потом звук – тихий, мерный плеск воды. Не фонтан

на улице, а что-то ближе. И тишина. Глубокая, звенящая, неестественная тишина большого, пустого пространства.

Алиша открыла глаза. Над ней был не белый потолок отеля, а высокий свод, украшенный сложной деревянной резьбой в виде звёзд и геометрических узоров – мукарны. Через узорчатые решётки окон пробивались косые лучи заходящего солнца, рисующие на стенах и на полу из полированного мрамора кружево света и тени.

Она лежала на огромной кровати под балдахином из лёгкого шёлка. На ней было не её платье, а длинная, мягкая рубашка из дорогого хлопка. Паника, холодная и липкая, поднялась из живота к горлу.

Катя. Где Катя?

Она сорвалась с кровати, ноги подкосились, голова закружилась от остатков наркоза. Комната была огромной, роскошной и абсолютно чужой. Мебель – низкие диваны, резные сундуки, медные столики. Ни одной знакомой вещи. Ни телефона, ни сумки, ни паспорта.

Дверь. Массивная, деревянная, с железными накладками. Ни ручки, ни замочной скважины с внутренней стороны.

– Эй! – её голос прозвучал хрипло и неуверенно в этой тишине. – Откройте! Вы слышите? Откройте дверь!

Она начала бить в дерево кулаком. Сначала тихо, потом всё сильнее, пока костяшки не заныли.

– Выпустите меня! Это похищение! Вы слышите?!

Никакого ответа. Только эхо её собственного голоса. Она прижалась ухом к щели. Ни шагов, ни голосов. Лишь далёкий, призрачный плеск воды.

Беспомощность и ярость душили её. Она огляделась в поисках чего-то тяжёлого. На одном из столиков стояла ваза из тёмно-синего стекла. Алиша схватила её, с размаху швырнула в окно. Результат был жалким и символичным: ваза с глухим стуком ударилась о прочную деревянную решётку, отскочила и разбилась о мраморный пол, разлетевшись десятком острых осколков. Окно даже не дрогнуло.

Она стояла, тяжело дыша, глядя на осколки, в которых отражались искажённые лучи заката. Первая попытка сопротивления закончилась ничем.

Неизвестно, сколько времени прошло – час, два. Свет за окнами погас, и комнату озарил мягкий свет от ламп в резных медных фонарях, встроенных в стены. Внезапно с лёгким щелчком дверь открылась.

Вошла девушка. Лет восемнадцати. Прекрасное, как у газели, лицо с большими карими глазами. На ней было простое, но добротного кроя платье, а волосы скрывал лёгкий шарф. Она несла поднос с едой – фрукты, лепёшки, что-то в глиняной миске. Её взгляд был опущен в пол.

– Где я? – бросилась к ней Алиша. – Кто ты? Отвези меня к шейху! Немедленно!

Девушка вздрогнула, но не подняла глаз. Она молча поставила поднос на низкий столик и сделала шаг назад.

– Я с тобой говорю! – Алиша схватила её за руку. Девушка испуганно вскрикнула, и это был первый звук, который Алиша от неё услышала. Глаза её были полны страха, но не перед Алишей. Перед чем-то большим.

– Лейла, – прошептала девушка, наконец подняв на неё взгляд. Она говорила на арабском, но имя произнесла чётко. Потом она показала на еду, на Алишу, на кровать – мол, ешь, отдыхай. Её жесты были полны странной, жалостливой торопливости.

– Лейла, – повторила Алиша, стараясь говорить спокойнее. – Где моя подруга? Катя? Блондинка. Понимаешь?

Лейла покачала головой. Либо не поняла, либо не знала. Она выскользнула из её хватки и почти побежала к двери. Прежде чем та закрылась, Алиша увидела в коридоре фигуру высокого охранника в белом кандуре и с автоматом на груди.

Она осталась одна. С подносом еды, которую боялась есть, и с нарастающим отчаянием.

Следующие два дня были адом изолированной роскоши. Лейла появлялась три раза в день с едой и водой, меняла бельё, пыталась жестами показать, где ванная комната (оказавшаяся целым мраморным гротом с бассейном). Она не говорила ни слова, только вздрагивала от любого резкого движения Алиши.

На третий день, под вечер, дверь открылась не для Лейлы.

В проёме стоял Халид.

Он был в домашней белой тобе и гутре. Он вошёл не спеша, как хозяин, осматривающий свои владения. Его взгляд скользнул по разбитой вазе, осколки которой Алиша намеренно не убирала, потом перешёл на неё. Она сидела на краю кровати, одетая в одно из предоставленных платьев – длинное, голубое, которое она ненавидела всем сердцем. Она не встала.

– Тебе нравится твои новые апартаменты? – спросил он на английском. Его голос был спокоен, без намёка на злорадство.

– Где Катя? – её собственный голос звучал чужим, сдавленным.

– Твоя подруга в безопасности. Она уже в Москве. С немного подправленными воспоминаниями о том, как вы поссорились, и ты решила остаться в ОАЭ с внезапно подвернувшимся выгодным контрактом. У неё есть твоё прощальное письмо, написанное, кстати, весьма убедительно.

Ложь была такой чудовищной и такой безупречной, что у Алиши перехватило дыхание.
– Вы... вы монстр.

– Я реалист, – поправил он, делая шаг ближе. – Теперь о тебе. Ты можешь продолжать эту комедию. Можешь биться головой о стены, голодать, кричать. Никто, кроме Лейлы и охраны, этого не увидит и не услышит. Итог будет один. Ты только продлишь свои страдания.

– Меня будут искать, – выдохнула она. – Мой брат...

– Марк, тридцать лет, офицер спецподразделения, – перебил он. – Да. Он будет искать. И найдёт следы, которые мы для него приготовили. Девушку, которая устала от бедности, воспользовалась шансом и с радостью променяла свою прежнюю жизнь на роскошь. Все доказательства будут указывать на это. Платежи на её счёт (пустой, но с красивой историей), поддельные свидетельства очевидцев, её же собственные, якобы восторженные, сообщения в соцсетях, которые мы постепенно будем «публиковать». Ты стала призраком, Алиша. Для внешнего мира ты – добровольная исчезнувшая.

Она слушала, и с каждым его словом стены комнаты, казалось, сжимались, превращаясь в абсолютно герметичный саркофаг. Он мыслил на шаги вперёд. Он покрыл все базы.

– Зачем? – прошептала она. – Зачем тебе я? Ты можешь иметь любую.

– Любую – да, – согласился он. – Но такую – нет. В тебе есть огонь. Вызов. Ты не будешь пресмыкаться. Ты будешь бороться. А я... я люблю приручать диких животных. Это придает вкус жизни.

В его словах не было страсти. Была холодная, хищная уверенность коллекционера, нашедшего уникальный экспонат.

Ярость, которую она копила три дня, пересилила страх. Она резко вскочила.

– Я тебе не животное! Я никогда не буду твоей! Ты слышишь? Никогда!

Она бросилась к нему, не соображая, что будет делать – ударить, поцарапать. Он даже не шевельнулся. Из тени у двери вышел охранник и перехватил её на лету, сжав её руки так, что кости захрустели.

Халид наблюдал за её беспомощными попытками вырваться с тем же научным интересом.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Первый урок: здесь только одна воля. Моя. Второй урок начинается сейчас.

Он кивнул охраннику. Того отпустил её руки, но не отошёл. Халид подошёл вплотную. Она замерла, глядя ему в глаза с ненавистью.

– Ты выбрала трудный путь. Я уважаю выбор. Но за каждый вызов будет расплата. Сегодняшняя – за брошенную вазу и за этот всплеск эмоций.

Он поднял руку и одним резким движением сорвал с её плеча тонкий шёлковый рукав платья. Ткань порвалась с тихим шелестом. Алиша ахнула, больше от шока, чем от боли.

– Это не насилие, – тихо произнёс он, глядя на её испуганное лицо. – Это демонстрация. Я могу разрушить любую твою защиту. Материальную, моральную. Платье, твою гордость, твою волю. По кусочкам. Или ты можешь сберечь их, приняв новые правила.

Он отпустил обрывок ткани.

– Подумай. У тебя есть время. Но имей в виду: следующий вызов будет стоить дороже. Не для меня. Для тебя.

Он развернулся и вышел. Охранник последовал за ним. Дверь закрылась.

Алиша медленно опустилась на пол среди осколков вазы. Порванное платье сползло с плеча. Она дрожала – от унижения, от бешенства, от ледящего душу понимания своего положения. Он не ставил её на колени физически. Он методично ломал границы.

Она сидела в темноте, пока лампа не погасла автоматически. В кромешной тьме, под чужими звёздами на резном потолке, её страх наконец кристаллизовался во что-то твёрдое. В решимость.

«Хорошо, шейх. Ты хочешь борьбы? Ты её получишь. Я не стану ломаться. Я стану твоей самой страшной ошибкой. Ты просчитался, думая, что я сломаюсь. Я буду точить тебя, как вода камень. И ты сам не заметишь, как проиграешь.»

Она поднялась, нашла в темноте самый крупный и острый осколок от вазы. Спрятала его под матрасом. Это было глупо, бессмысленно, но это был её первый шаг. Не к бегству. К войне на истощение. Войне, в которой её единственным оружием был её непокорный разум.

А где-то далеко, в Москве, её брат Марк, не веря ни одному слову из «прощального письма», уже звонил своим контактам, а её тётя Ольга пробивала тихие, но настойчивые запросы через МИД. Маховик поисков только начинал раскручиваться. Но до этого двorca в пустыне ему было ещё очень и очень далеко.

Глава 4: Правила золотой клетки

На следующий день после унижительного визита Халида атмосфера в комнате казалась гуще. Лейла принесла завтрак и, к удивлению Алиши, не убежала сразу. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, её глаза беспокойно скользили по порванному платью, валявшемуся на полу.

– Эм... эфенди, – робко начала она на ломаном английском. Её голос был тихим, словно она боялась его собственного звука. – Новое платье... я принесла.

Она показала на аккуратно сложенную стопку одежды на сундуке. Алиша пристально посмотрела на неё.

– Лейла. Ты говоришь по-английски?

Девушка испуганно закивала, потом отрицательно помотала головой, запутавшись.

– Немного... мало. Учить. Здесь... много девушек. Никто не говорит... как ты.

– Как я? По-русски?

– Нет. Так... громко. Смотреть в глаза. – Лейла опустила взгляд, словно сам факт того, что она это произнесла, был преступлением.

Алиша подошла ближе.

– Лейла, ты здесь не по своей воле?

Вопрос, казалось, напугал девушку ещё больше. Она отступила на шаг.

– Я... слуга. Я счастлива. Здесь хорошо. Еда, крыша. Не надо бояться на улице.

Но в её глазах, когда она произносила эти заученные фразы, читалась глубокая, привычная покорность. Алиша поняла: Лейла – не союзник. Она – продукт этой системы, сломанная и принявшая свои цепи.

– Он... Его Высочество, – Лейла заговорила снова, ещё тише. – Он приказал. Сегодня... ты выйдешь. В сад. Внутренний. Ты должна... быть одета. – Она кивнула на новое платье – изящное, из зелёного шёлка, более закрытое, чем предыдущее, но от этого не менее чужое.

Алиша сжала кулаки. «Выйдешь». Значит, её тюрьма чуть расширяется. Возможность оценить обстановку.

– А другие? Другие... жёны? Они будут?

Лейла снова запуталась в кивках.

– Может быть. Женская половина. Ты их увидишь. Но... – она сделала паузу, – будь осторожна. Не говори много. Не смотри долго. Здесь... свои правила.

Она быстро собрала поднос и почти выбежала из комнаты.

Алиша надела платье. Оно сидело на ней безупречно, словно её сшили заранее. Это было ещё одним напоминанием – за ней наблюдали, её измеряли. Она снова спрятала заточенный осколок в складках одежды – бесполезный, но дающий призрачное ощущение контроля.

Днём за ней пришли две немые служанки, не похожие на Лейлу – старше, с каменными лицами. Они проводили её по лабиринту коридоров, украшенных арабской вязью и коврами, в которые хотелось провалиться. Наконец они вышли в небольшой, но потрясающе красивый внутренний сад. Небольшой фонтан в центре, апельсиновые деревья в кадках, цветущие жасмин и розарии. Небо над головой было затянуто лёгкой сеткой от птиц – даже небо здесь было ограничено.

В саду уже были женщины. Три из них. Они сидели на низких диванчиках под навесом, пили кофе из крошечных чашечек. Их одежда была богатой, но не кричащей – дорогие абаюасы из тончайшей шерсти, расшитые нитями. Их лица были открыты, красота их – ухоженная и безжизненная, как у фарфоровых кукол. Они замолкли, когда появилась Алиша.

Одна из них, самая старшая (ей могло быть лет двадцать пять), с холодными глазами и безупречной укладкой, оценивающе осмотрела Алишу с ног до головы.

– Так вот она, новая диковинка нашего повелителя, – сказала она на красивом, певучем английском. – Русская. Я читала о ваших женщинах. Морозные, говорят. Я – Надия. Это Зайнаб и Амина.

Две другие, помоложе, лишь кивнули. В их взглядах читалось любопытство, смешанное с опаской и... завистью?

– Алиша, – коротко представилась она, оставаясь стоять.

– Садись, – приказала Надия, указав на место рядом с собой. Это не было приглашением. – Его Высочество оказал тебе высокую честь, выделив личные покои. Обычно новым... гостям... приходится делить комнаты.

– Я не гостя, – холодно парировала Алиша. – Я пленница.

В саду на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только плеском фонтана. Зайнаб, пухленькая девушка с грустными глазами, ахнула. Амина, хрупкая, как тростинка, отвела взгляд. Надия же усмехнулась.

– Пленница? Милая, мы все здесь пленницы. Пленницы роскоши, безопасности, воли нашего господина. Ты просто ещё не осознала преимуществ своего положения. Он выбрал тебя. Это многое значит.

– Он меня похитил! – не сдержалась Алиша. – У меня была жизнь! Карьера! Семья!

– Была, – равнодушно заметила Надия, поправляя безупречный рукав. – Теперь есть это. И лучше тебе привыкнуть. Борьба только приносит боль. Я видела, как он «привыкают» гордочки. Они либо ломаются, либо... исчезают. Гарем – это организм. И он отторгает инородные, неудобные тела.

Это был прямой выпад. Предупреждение. Алиша почувствовала, как её осколок впицается ей в бок.

– А ты кто такая, чтобы мне это говорить? Первая жена?

Глаза Надии блеснули холодным огнём.

– У Его Высочества нет «первой» или «второй» в вашем понимании. Есть самые... уместные. Те, кто понимает правила и приносит покой, а не хаос. Я здесь дольше всех. Я обеспечиваю гармонию. И советую тебе не нарушать её.

В этот момент в сад вошёл Халид.

Женщины мгновенно преобразились. На их лица расцвели подобранные, почтительные улыбки. Они склонили головы. Надия поспешила налить ему кофе.

Халид был в простой белой тобе, но его присутствие заполнило собой всё пространство. Его взгляд скользнул по женщинам, задержался на секунду на Алише, которая продолжала стоять, и сел на самое большое сиденье.

– Надия, спасибо, – он взял чашку. – Ты знакомишь нашу новую гостью с правилами?

– Стараюсь, Ваше Высочество, – голос Надии звучал сладко и почтительно. – Но, кажется, у неё своё понимание правил.

Халид повернулся к Алише.

– И какое же?

– То, что люди не являются собственностью, – выпалила она, глядя ему прямо в глаза. – И что у меня есть право распоряжаться своей жизнью.

В саду снова повисла напряжённая тишина. Зайнаб и Амина, казалось, перестали дышать. Надия смотрела на Алишу со смесью изумления и злорадства.

Халид не спеша отпил кофе.

– Интересная философия, – произнёс он. – Основанная на иллюзиях твоего прежнего мира. Здесь, в пустыне, другие законы. Выживает не тот, у кого есть «права», а тот, кто сильнее, мудрее и кто умеет принимать реальность. Ты сейчас как перекасти-поле, которое кричит ветру, что не хочет катиться. Бесполезно.

– Я не перекасти-поле. Я человек!

– Именно поэтому тебя и привезли сюда! – его голос вдруг зазвучал резче, он поставил чашку со стуком. – Потому что ты человек! Не безмозглая кукла, не услужливая тень! Но даже самый прекрасный сокол должен знать своего хозяина и пределы своего вольера. Иначе он разобьётся о решётку.

Он встал и подошёл к ней. Женщины замерли.

– Ты хочешь доказательств? Хочешь увидеть, как работают наши законы? Хорошо.

Он повернулся к Надии.

– Надия. Скажи, что бывает с вещью, которая отказывается служить своему предназначению?

Надия побледнела, но ответила чётко:

– Её убирают, Ваше Высочество. Чтобы она не портила гармонию.

– Верно. Убирают. Но перед этим ей дают шанс. Последний шанс. – Он снова посмотрел на Алишу. – Твой шанс – учиться. Учиться нашему языку. Нашим обычаям. Начать с малого. Сейчас ты как дитя, которое кричит, не зная слов. Научись говорить. Тогда, возможно, с тобой будут и разговаривать, а не просто отдавать приказы.

– Я не буду учиться, чтобы угодить своему тюремщику!

– Тогда, – его голос стал ледяным, – ты будешь молчать. В буквальном смысле. Ты останешься в своих четырёх стенах. Наедине с собой. Без книг, без прогулок, без этого сада. Без права голоса, пока не одумаешься. Выбор за тобой, Алиша. Учиться и получить чуть больше свободы внутри этих стен. Или гордо молчать в полной изоляции. Что выбираешь?

Это была адская дилемма. Подчиниться – значит сделать первый шаг к сломке. Отказаться – сойти с ума в одиночной камере роскошной тюрьмы. Женщины смотрели на неё. В глазах Надии – холодное ожидание. В глазах Зайнаб – немой ужас. В глазах Амины – что-то похожее на жалость.

Алиша сжала руки так, что ногти впились в ладони. Она ненавидела его. Ненавидела эту ситуацию. Но её ум, её главное оружие, уже анализировал: изоляция – это тупик. Контакт, даже такой, – это информация. Это слабости, возможности.

Она выдохнула. Словно пепел, её голос прозвучал тихо и чётко:

– Я буду учиться.

На лице Халида мелькнуло что-то – не улыбка, а скорее удовлетворение охотника, чья дичь сделала первый шаг в нужном направлении.

– Мудрое решение. Лейла будет твоей первой учительницей. Начнём с азов. А теперь, – он окинул взглядом всех женщин, – оставьте нас.

Надия, Зайнаб и Амина молча, как призраки, покинули сад. Остались только они двое под шелест листьев и плеск воды.

– Это не победа, – сказала Алиша, когда за женщинами закрылась дверь.

– Это ещё не поражение, – парировал он. – И это уже прогресс. Помни, я не требую любви или даже покорности. Пока. Я требую уважения к порядкам этого дома. Всё остальное... приложится.

– Ничего не «приложится».

– Мы увидим. А теперь иди. Твой первый урок – отдохнуть. Завтра начнётся настоящее обучение.

Когда служанки увели её обратно в комнату, Алиша понимала, что только что подписала своё первое перемирие с врагом. Но в её голове уже строились планы. Учить язык – чтобы подслушивать. Изучать обычаи – чтобы находить бреши. Искать слабые места в системе. И в его броне.

Война не закончилась. Она просто перешла в новую, более сложную фазу. А в кармане её платья лежал холодный, острый осколок – напоминание о том, что отчаянные меры ещё могут понадобиться.

Глава 5: Урок и его цена

Прошла неделя. Уроки с Лейлой превратились в ежедневный ритуал. Алиша, обладая аналитическим умом, схватывала арабский с пугающей скоростью. Базовые фразы, названия предметов, простые глаголы. Каждое выученное слово казалось ей маленьким ключиком, подбираемым к замку её тюрьмы. Лейла, видя её успехи, начала понемногу оттаивать. В её взгляде появилось что-то, кроме страха – робкое любопытство, а затем и уважение.

Но каждый урок прерывался визитом Халида. Он приходил вечером, садился в кресло и требовал отчёта. Его присутствие делало воздух густым и тяжёлым. Он не хвалил, лишь кивал, если всё было верно, или холодно поправлял, если она ошибалась.

Однажды вечером, после очередного урока, он не ушёл. Лейла, бросив на Алишу быстрый, полный тревоги взгляд, ретировалась.

– Ты учишься быстро, – констатировал Халид, не сводя с неё глаз. – Это хорошо. Но язык – это только оболочка. Пора учиться сути.

– Что ты имеешь в виду? – Алиша почувствовала ледяную тяжесть в животе.

– Ты – женщина в моём доме. Моя женщина. И существуют обязанности, которые выходят за рамки изучения алфавита. – Он встал и медленно подошёл к окну, глядя на звёздное небо за решёткой. – Я был терпелив. Давал тебе время прийти в себя, освоиться. Но моё терпение не безгранично.

– Я не готова, – выдохнула она, сжимая руки на коленях. – Я не хочу этого.

Он обернулся. В его взгляде не было гнева, лишь холодная решимость.

– Твоё «хочу» или «не хочу» здесь не имеет значения. Имеет значение моя воля. Ты думала, я просто коллекционирую красивые лица? Нет. Я требую полноты. Дух, который меня привлёк, должен быть заключён в плоть. Иначе это просто мучительная иллюзия.

Он сделал шаг к ней.

– Сегодня ночь станет твоим следующим уроком. Более практическим.

Алиша вскочила с места, отступая к стене.

– Нет! Ты не посмеешь! Если ты меня тронешь, я... я...

– Ты что? – он оказался перед ней в два шага. – Убьёшь меня? Осколком от вазы? – Его рука молниеносно метнулась в складки её платья у бедра и вытащила спрятанный заточенный стекляшки. Он держал его между пальцами, как жалкое насекомое. – Лейла не глупа. Она докладывает обо всём. Попытка наивная. И опасная. Для тебя.

Он швырнул осколок в фонтанчик в углу комнаты.

– Я не буду применять грубую силу, Алиша. В ней нет изящества. Но я и не оставлю тебе выбора. Ты либо подчинишься моей воле сейчас, осознанно... Либо подчинишься позже, сломавшись и потеряв последние остатки своего достоинства. Выбирай.

Он стоял так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло, запах сандала и кожи. Его сила была не только физической – она была в его абсолютной, непоколебимой уверенности. Она была загнана в угол, и он знал это.

Слёзы унижения и ярости застилали ей глаза.

– Я ненавижу тебя.

– Ненависть – это чувство. Гораздо лучше равнодушия. – Он медленно поднял руку и коснулся её щеки. Она вздрогнула, но отстраниться было некуда. Его пальцы были тёплыми, прикосновение – не грубым, но неумолимым. – Я дам тебе то, чего не даст ни один мужчина в твоём прежнем мире. Я научу тебя подчиняться не из страха, а из... желания уступить силе большей, чем ты сама.

Его рука скользнула к застёжке на её плече. Лёгкий щелчок, и верхняя часть платья ослабла. Алиша зажмурилась, её тело напряглось в ожидании насилия, грубости.

Но её не повалили на пол. Он взял её за подбородок, заставив открыть глаза.

– Смотри на меня. Ты должна видеть, кто берёт то, что принадлежит ему по праву.

Он продолжил раздевать её с методичной, почти церемонной медлительностью. Каждое его движение было чётким, контролируемым. Платье соскользнуло на пол. Он отвёл её к кровати. Его собственные одежды были сброшены несколькими простыми движениями – это не было раздеванием, это было устранением препятствий.

Он был физически идеален, как статуя – рельефные мышцы, гладкая кожа. И в этой совершенной форме была абсолютная, устрашающая сила. Он положил её на шелковые простыни и навис над ней, блокируя свет от лампы. Его тень поглотила её.

Первое прикосновение его кожи к её коже заставило её содрогнуться. Оно было обжигающе тёплым. Его руки скользили по её бёдрам, талии, груди – исследуя, оценивая, утверждая владение. В его прикосновениях не было ласки. Была констатация. Демонстрация того, что каждую часть её тела он может тронуть, когда захочет и как захочет.

– Расслабься, – его голос прозвучал у неё в ухе низко и властно. – Сопротивление только причинит тебе боль. А я не хочу причинять тебе боль. Я хочу... принять.

Она пыталась отстраниться, вывернуться, но его хватка была стальной. Он не причинял ей боли, но и не позволял уйти. Это была ловушка из мышц и воли. Его губы коснулись её шеи – не поцелуй, а скорее метка. Затем он перешёл к её губам, заставив их разомкнуться, вторгнувшись в её рот с той же безжалостной уверенностью, с какой вторгся в её жизнь.

Внутри у неё всё кричало. Ум, дух, всё её существо восставало против этого унижительного подчинения. Но её тело... её тело начинало реагировать на настойчивую, мастерскую стимуляцию. От ужаса и ярости кровь прилиwała к коже, дыхание сбивалось. И где-то в глубине, против её воли, зарождался предательский, животный отклик на его доминирующую, неоспоримую мужскую силу. Это было самым страшным – обнаружить в себе эту физиологическую измену.

Когда он вошёл в неё, она вскрикнула – от резкой боли, смешанной с шоком. Он на мгновение замер, давая ей привыкнуть, его взгляд был прикован к её лицу, считывая каждую эмоцию. Затем он начал двигаться. Ритмично, глубоко, неумолимо. Это не было любовью. Это было присвоением. Каждый толчок был напоминанием: ты моя. Твоё тело, твоя реакция, твоё дыхание – всё принадлежит мне сейчас.

Алиша лежала, уставившись в резной потолок, пытаясь отстраниться мысленно, уйти куда-то далеко. Но его тело, его вес, его настойчивое движение приковывали её к реальности. Постепенно боль утихла, сменившись странным, чуждым ей ощущением заполненности, интенсивности. Её собственное тело начало отвечать на навязанный ему ритм, к стыду и ужасу Алиши. Она чувствовала, как внутри что-то сжимается, отзываясь на его толчки, как жар разливается по жилам.

Он заметил это. В его глазах вспыхнуло что-то тёмное и торжествующее.

– Видишь? – прошептал он, ускоряя темп. – Даже твоё тело признаёт своего хозяина. Оно мудрее твоего гордого ума.

Она не могла ответить. Её дыхание превратилось в прерывистые всхлипы, в которых смешались ненависть, унижение и это проклятое, нарастающее физическое напряжение. Она пыталась бороться с ним, сжать себя изнутри, но волна накатывала, неумолимая, как прилив. И когда она наконец накрыла её, вырвав из её горла глухой стон, в нём было столько отчаяния, что это было похоже на плач.

Халид наблюдал за её кульминацией с таким же вниманием, с каким наблюдал за её презентацией на форуме. Затем он позволил себе отпустить контроль. Его собственное завершение было тихим, глубоким рычанием, больше похожим на победный клич хищника, чем на проявление страсти. Он оставался внутри неё ещё несколько мгновений, тяжело дыша, его вес полностью прижимал её к матрасу.

Потом он поднялся. Без смущения, без нежности. Он отошёл к умывальнику, начал приводить себя в порядок с тем же спокойствием, с каким готовился к важной встрече.

Алиша лежала неподвижно, чувствуя, как по её внутренней стороне бедра стекает струйка – смесь его семени и её стыда. Она чувствовала себя осквернённой. Сломанной. И самое ужасное – часть её была возбуждена этой жестокой силой, что пугало её больше всего.

Он вернулся к кровати, уже одетый в простую тобу. Смотрел на неё сверху вниз.

– Первый урок окончен, – произнёс он без эмоций. – Теперь ты знаешь своё место в самом буквальном смысле. Утром Лейла принесёт тебе противозачаточные. Детей ты родишь, когда я решу, и не раньше.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге обернулся.

– И Алиша... этот стон, что вырвался у тебя в конце. Это была не только боль. Это было начало. Начало твоего принятия. Рано или поздно ты это поймёшь.

Дверь закрылась. Алиша осталась одна в огромной, роскошной постели, пахнущей им, их смешанными запахами, её позором. Она сжалась в комок, беззвучно зарывав в подушку, но слёзы не приносили облегчения. Он не просто забрал её тело. Он вонзил клин в самую суть её сопротивления, показав ей, что даже её собственная плоть может стать предателем. И это знание было горше любого насилия.

Но где-то в глубине, под пластом унижения и ярости, тлела искра. Он добился от неё подчинения телом. Но её воля, её ненависть, её холодный, расчётливый ум – они были живы. И они начали вынашивать новый план. Не побег. Не прямое противостояние. Более тонкую, более опасную игру. Игру, в которой её только что проявленная физическая слабость могла стать оружием.

Она медленно вытерла лицо, поднялась и пошла к бассейну-ванне. Она должна была смыть с себя всё: его прикосновения, его запах, следы его владения. Но одно она смыть не могла – понимание, что война теперь ведётся на территории, где правила диктует он. И ей предстояло научиться сражаться по этим правилам, чтобы однажды написать свои.

Глава 6: Стратегия выживания

Утро пришло с безжалостным солнцем, пробивавшимся сквозь решётку машрабии. Алиша проснулась с чувством, будто её избили. Не физически – тело болело, но терпимо. Душа была разбита вдребезги.

Первым делом она снова залезла в бассейн, хотя уже смывала всё ночью, до изнеможения. Затем надела свежее платье – синее, похожее на униформу. Она сидела на краю кровати, когда вошла Лейла.

Молодая девушка не смотрела ей в глаза. На подносе, кроме завтрака, лежала маленькая белая таблетка и стакан воды.

– Эфенди приказал... – начала она шёпотом.

– Я знаю, – голос Алиши прозвучал хрипло, но твёрдо. Она взяла таблетку, посмотрела на неё и... проглотила. Запила водой. Это был не акт покорности. Это был акт сохранения

контроля над единственным, что ещё могло остаться под её контролем – над возможностью родить ребёнка от этого человека. Ни за что. Не сейчас. Не так.

Лейла наблюдала за ней с немым вопросом.

– Ты хорошо спала? – робко спросила она.

Алиша горько усмехнулась.

– Как на войне, Лейла. Как на войне, где первый бой проигран.

Она посмотрела на девушку. Страх в её глазах сменился на смутное понимание.

– Ты... не плакала.

– Слёзы – роскошь, которую я не могу себе позволить. Они размывают зрение. А мне нужно видеть чётко. – Алиша подошла ближе. – Лейла. Ты здесь давно. Ты видела других. Тех, кто сопротивлялся. Что с ними?

Лейла испуганно оглянулась на дверь.

– Не надо... спрашивать.

– Надо. Если я хочу выжить, не сломавшись. Ты мне не ответишь – я спрошу у Надии. Или у кого-нибудь ещё. Но тогда все будут настороже.

Лейла заломила пальцы.

– Была... одна. Из Грузии. Красивая. Очень громкая. Она... – девушка понизила голос до шепота, – пыталась ударить Его Высочество. Не физически... словами. Всегда спорила. Потом... её не стало.

– Убили? – холодный ужас сковал Алишу.

– Нет! Нет... – Лейла замотала головой. – Отправили. В другой дворец. Глубоко в пустыню. Говорят, там... скучно. Только старые слуги. И она... исчезла. Её забыли. Это хуже.

Изоляция. Забвение. Это было более изощрённо, чем физическая расправа. Угроза Надии обретала конкретные очертания.

– А те, кто подчинились? Как Надия?

– Надия... она умная. Она сделала себя полезной. Управляет хозяйством, следит за девушками. У неё есть... маленькие привилегии. Может выбирать ткани, книги, иногда ей разрешают звонить семье. Она выбрала... комфортную жизнь в клетке.

– А ты, Лейла? Что ты выбрала?

Девушка опустила глаза.

– Я... я ничего не выбирала. Меня привезли в десять лет. Моя семья... они были должны. Я – плата. Здесь мой дом. Другого я не знаю.

Это было хуже всего. Лейла даже не то что сломлена – она выращена в неволе. Она не знала, что такое свобода, чтобы по ней тосковать.

– Я научу тебя, – вдруг сказала Алиша.

– Чему?

– Помнить, что ты – человек. А не вещь. И если я найду способ... может быть, у тебя появится шанс узнать другой мир.

Лейла смотрела на неё, как на сумасшедшую, но в её взгляде мелькнула искра – не надежды, а болезненного любопытства.

– Теперь... урок? – спросила она, возвращаясь к своей роли.

– Да. Урок. Но сегодня не только арабский. Расскажи мне о дворце. О распорядке. О людях. Кто главный среди слуг? Кто привозит продукты? Есть ли врач? Как устроена охрана?

Лейла отшатнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.